Цена номера 15 коп.
Индекс 70448.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПА!

КРОКОДИЛ

№ 18 • ИЮНЬ 1974

ЕГО ТАРИФНАЯ СЕТКА

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Кстати, об этом самом... ну, вы понимаете... в общем, корреспондент Крокодила тоже хотел... это самое... ну, взятку получить, что ли... А чем дело кончилось — читайте на следующей странице.

В. КОТЕНКО, специальный корреспондент Крокодила

Операция «Фига с маслом»

Мастер Мучкапского маслозавода М. Г. Жилкин пытался всучить взятку — полсотни рублей — члену группы народного контроля, но тот ее отверг. Узнав это из письма, я срочно выехал в командировку за взяткой. Даже вылетел. Боялся, что меня опередят. И все пилота в небе поторапливал:

— Гони!

Деньгами я сорил налево и направо. Таксисту десятку на чай бросил. Мелочь в урну швырнул, чтобы было легче карманам. Даже отказался от командировочных. Чего мелочиться? Жилкин все компенсирует.

Я полулежал на облаках и в уме прикидывал, сколько смогу получить. Интересно все-таки, сколько я стою? Ведь пока тебя не купят, не узнаешь. Если даст тридцать рублей, брошу их назад. На полсотню тоже размениваться не буду. Сотню верну с сожалением. А вот целковых двести — триста приму. В крайнем случае возьму маслом. Или творогом. Можно сметаной.

И вот Тамбовская область. Мчусь, обгоняя время, на маслозавод. Но по дороге захожу в областной и районный комитеты народного контроля. Навожу справки в областном объединении молочной промышленности. Да, об этом все знают. Жилкин пытался подкупить народного контролера, когда тот выявил на заводе кое-какие неблаговидные делишки. Например, серьезные недостатки в учете материальных ценностей и готовой продукции. Нарушения финансово-хозяйственной дисциплины. Во многом был виноват мастер Жилкин.

И вот я там, где делают масло.

— Здесь дают? — спрашиваю у Жилкина, заикаясь от волнения.

Чуть было не брякнул: «взятки». Но понял: можно все испортить. Зашел издалека:

— Михаил Георгиевич, контролеры установили, что вы выписывали липовые командировки на своих рабочих, а деньгами распоряжались по своему усмотрению...

— Было дело.

Соглашается, но не дает. Видно, стесняется. «Профан! — ругнул я себя.— Отстал от жизни! Кто же сейчас сует из рук в руки?»

Некоторые ревизоры делают так: портфель оставят, а сами отойдут. Вернутся: портфель потолстел. И вот мы идем с Жилкиным по цеху, а мой саквояж лежит в кабинете. Вернулись. Глянул: пусто. Безобразие! Прижимаю мастера к стене фактами:

— Милейший Михаил Георгиевич, ревизии обнаружили пропажу масла. В позапрошлом году исчезли двадцать два ящика и в прошлом — двадцать. Ваша вина. Ведь вы лицо. Материально-ответственное.

— Лицо,— соглашается он грустно.

Внимательно слежу за его руками. Никаких характерных движений. Наверное, нынче в карман принято класть. Говорю:

— Жарко!

Вешаю на стул пиджак. Гостеприимно открываю в нем все карманы и клапаны. Чуть ли не вешаю табличку «Добро пожаловать!». Уходим, пиджак остается. Вернулся, порылся в пиджаке. Нет заветного пакета.

— Заактирую! — прокричал я.

И прямо на глазах Жилкина, главного инженера завода Н. И. Пучкова и главного инженера областного объединения молочной промышленности И. В. Мельникова стал строчить фельетон. Процитировал решение бюро Мучкапского райкома КПСС: сепараторные пункты завода работают из рук вон плохо, сливки не вывозятся по нескольку дней, а это приводит к их порче. Упомянул приговор районного народного суда о начетах за безбожное расхищение столь милых желудку потребителя молокопродуктов.

Закончив, я откинулся на спинку стула. Вижу: вздыхает мастер, но не дает. Снизил в душе себе цену. Решил напрямик:

— Михаил Георгиевич, признайтесь: давали народному контролеру?

— Ага. Пенсионеру давал, на папиросы. Оказалось, не курит.

— А мне? Я курю.

— Кому хочу, тому даю.

Возвращался домой я на поезде. Денег на самолет не хватило. Было обидно, что не выгорело со взяткой. Но, если честно, я больше огорчился не этим, а тем, что Жилкин по-прежнему на своем посту процветает. И вместе с ним процветает все то, что давно уже должно быть вырвано с корнем.

Тамбовская область.

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

— Дорогие шефы, вы за нас поработайте, а мы вам вечером такой концерт дадим — в столице не увидите!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

— Вы просили поменять вам аппарат на красненький? Пожалуйста!

И. ЧЕРВЯКОВ

ВЫГОДНЫЙ ОБМЕН

Рассказ

Я сменил место работы. Пришлось менять и место жительства. Желающий поменяться — а им оказался некто Чуваткин — нашелся скоро. Я отправился смотреть квартиру.

— Район у нас замечательный,— сообщил мне Чуваткин, едва я переступил порог.— Зелень кругом, воздух, жизнь дешевая...

— Как это жизнь дешевая? — не понял я.

— Погодите, вот стемнеет — увидите.

Пока мы обговаривали дело, наступил вечер. В передней раздался длинный звонок.

— Идемте,— пригласил меня Чуваткин.— Начинается...

Он открыл дверь. На лестничной площадке стоял кривой мужичонка с грязным мешком в руках. Из мешка сочилась кровь. Я невольно отшатнулся.

— Свиные головы, вымя, телячьи ножки! — неожиданно тонким голосом пропел владелец подозрительного мешка.— За маленькую с прицепом отдам! Душа горит...

— Может, возьмете? — обратился ко мне Чуваткин.— В магазине за такое добро рублей пятнадцать надо платить, а тут даром: трояк! Холодец, то да се...

Я в смущении отступил. Хозяин захлопнул дверь и посмотрел на меня. «Вот видите!» — говорил его взгляд. Я раскрыл рот с целью узнать, что это за странный визит, но снова подал голос звонок.

На пороге возвышался крепкий детина в синтетической куртке и с портфелем неимоверных размеров.

Он, как старому знакомому, подмигнул Чуваткину и молча раскрыл портфель. Чего там только не было! Ароматная буженина, дефицитная сырокопченая колбаса, мощная гроздь розовых, как пятка младенца, сосисок, свиная грудинка аппетитно-золотистого цвета, огромный шар сочного зельца, толстый батон языковой колбасы, любовно запеленатый в белоснежный жир.

— Оптом дешевле, в розницу дороже! — проинформировал нас детина в синтетической куртке и похвалил товар: — Свежак, сейчас с конвейера!

— Откуда эти благодетели? — спросил я, когда дверь затворилась и детина принялся звонить в другие квартиры.

— Неужели не догадываетесь? — удивился Чуваткин.— Это же орлы с соседнего мясокомбината! Я же вам говорил: у нас тут жизнь дешевая...

— Но ведь на мясокомбинате есть охрана — и вдруг так воруют!

— Охрана, наверное, есть,— почесал за ухом Чуваткин.— А воровство — это когда в квартиру лезут. Ну, согласны меняться?

— Почему же вы от такой райской жизни бежите?

Чуваткин помрачнел.

— Понимаете, из-за этого мясного соблазна — дешево, вкусно! — совершенно разрушил печень. Врачи прописали молочную диету...

— Это, конечно, причина,— посочувствовал я.

— А на вашей улице,— продолжил печеночник,— я слышал, молочный завод строится...

...В передней снова зазвенел звонок.

Юрий НИКОЛЬСКИЙ

Чем поделиться...

С ним радостью ты не спеши делиться:
Он может не на шутку огорчиться...
А горестями с ним делиться надо:
Чужое горе — для него отрада!

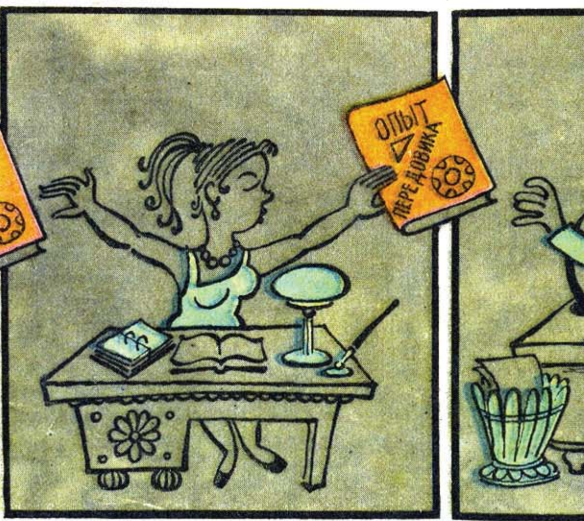
«Ворюга»

Убыток леспромхозу:
Унес домой занозу.

г. Рига.

СМ. НА ОБОРОТЕ

Андрей НИКОЛЬСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

ТАКОВА СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

До чего, уважаемые мужья, мы жен своих распускаем, прямо иной раз сами не рады. Внешне-то оно вроде бы все благополучно: «Ах, котик, ах, сю-сю-сю, ах, давай посоветуемся...» Как до дела доходит — все поперек!

По-моему, эмансипация виновата. Не иначе. И кто только эту эмансипацию изобрел, вот что интересно. Я бы этого изобретателя так эмансипировал — всю бы жизнь помнил!

А, может, конечно, и не в эмансипации дело. Может, дело как раз в нашей неосведомленности в деликатных вопросах.

Ведь жена — тоже живое существо. И ее надо воспитывать. А может, даже и перевоспитывать. Может, мама ее воспитала так, что ты через два дня взвоешь. А как перевоспитывать? С чего начинать? Нам, мужчинам, это неизвестно. Попадаются, скажем, руководства о воспитании рыбок в аквариуме, о воспитании хомячка в комнате, белки в колесе, ну я не знаю еще кого — про все есть. А как воспитывать жену в естественных условиях, нету. Может, конечно, и руководство насчет рыбок подойдет, может, тут принципиальной разницы и нет, но ведь сомневаешься. Эксперименты могут боком выйти. Получится жена с рыбьим темпераментом, кому это нужно?

Так вот все и идет самотеком. А результаты, между прочим, самые плачевные.

Я вот расскажу случай, как одна жена, Антонина Павловна Филатова, своим упрямством подвела благоверного под монастырь. А благоверный у нее — фигура. Он районный прокурор. Это для Антонины Павловны он, может, ноль без палочки. А для всех прочих он юрист и блюститель правопорядка.

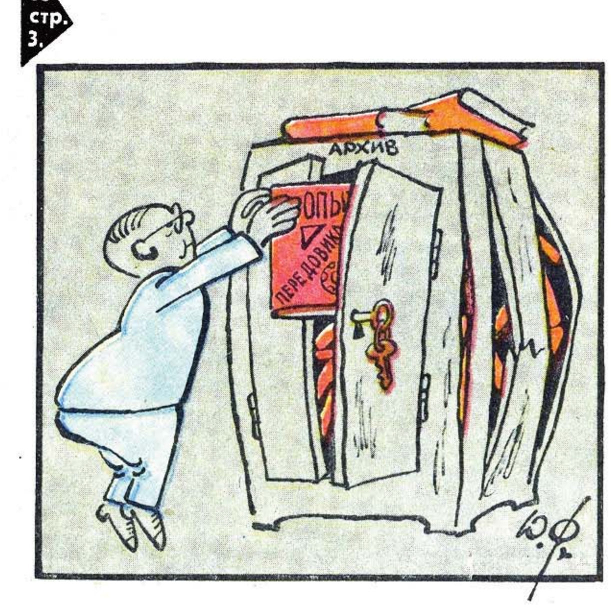
А тут при его попустительстве был даже нанесен ущерб государству. К счастью, не ахти какой ущерб. Наше государство от него не пошатнется. А может, и вообще не заметит. Ущерб на сумму примерно 2 рубля 50 копеек. Ну, может, на три рубля. В крайнем случае на 3 рубля 20 копеек. Не больше. На эту сумму семья прокурора сожгла электроэнергии. Или, говоря более научно, преобразовав ее в тепло, готовила еду для гостей.

Ерунда, конечно. Но, с другой стороны, там прокурор подключится, там заврайоно, там еще какой-нибудь любитель — это дополнительную ГЭС надо строить?

Надо сказать, что произошло это все в районном центре Сакмара, Оренбургской области. Место не так уж глухое — 36 километров от Оренбурга.

А событие здесь произошло уж такое радостное, что о нем в фельетоне и говорить как-то неудобно: свадьба. Павел Иванович Филатов выдавал замуж свою старшую дочь, Веру. Ей 21

со стр. 3.

год, учительница, студентка-заочница. И жених тоже уважаемый, потомок рабочей династии — Чуйкин Николай Васильевич, шофер «Сельхозтехники». Тоже двадцати одного года.

Ну, и что тут такого? С какой стороны это радостное мероприятие могло стать достоянием Крокодила? Выяснить эти причины нам было просто необходимо, потому что у Павла Ивановича еще две дочки подрастают. И если из-за старшей такие неприятности, то не воспоследуют ли они и в дальнейшем?

Так вот, при выяснении всех деталей оказалось, что подвела уважаемого прокурора не кто иной, как жена. Ах, конфуз! Ах, эта женщина! Тем более, что чин-то у нее значительно ниже прокурорского и никаких санкций по отношению к мужу она применить не может. Так в чем же дело?

И вот я бросаю ретроспективный взгляд на беседы с этими уважаемыми супругами и вижу, что дело тут не в чинах. Дело тут гораздо сложнее, потому что дело касается характеров.

Вот, к примеру, Павел Иванович на редкость скромный человек. В нем чувствуется некая внутренняя интеллигентность и порядочность. А внутренняя порядочность — это, уважаемые, вещь! Она не у всех бывает. Это внешней порядочности у нас хоть пруд пруди, деваться от нее некуда.

И в быту Павел Иванович — такой же скромный человек. Сам косит сено для коровы. Прокурорское ли дело?

Антонина Павловна, видимо, тоже душевный человек. Однако напориста, говорлива, и чувствуется в ней хорошая пружина, которая дает нужное количество энергии, чтобы руководить детским садом и яслями. А заодно и домашними. В одном учреждении сказали так: «Не ему надо быть прокурором, а ей». Но судьба, должно быть, из упрямства все перевернула по-своему. И зачем ей это понадобилось, никому не известно.

Поэтому, а также по другим причинам, когда настала свадьба, то Антонина Павловна предложила приготовить блюда для гостей на кухне того самого детского садика, которым она руководила.

Другие причины заключаются в том, что все мы, конечно, любим гостей, но кто любит предгостевые хлопоты? Пять человек припожалуют, и то не знаешь, что с ними делать, а тут 28 человек со стороны невесты да 40 со стороны жениха. И поэтому, если бывает возможность, стараемся переложить часть хлопот на плечи государства, что ли. Чего греха таить! Отсюда, между прочим, и возникают всякие неоправданные банкеты и пиршества в разных государственных учреждениях, которые следовало бы проводить в тесном семейном кругу.

К чести прокурора надо сказать, что он насчет приготовления пиршественных блюд в детском садике протестовал. Он, наверное, говорил так:

— Ну подумай... детский сад — это же закрытое учреждение, не столовая...

— Но там в воскресенье детей не будет, — возражала жена.

— Там карантин по желтухе и скарлатине... посторонним входить запрещено, а мы будем носить продукты... Опять же кастрюли туда-сюда...

— А ты знаешь, сколько времени надо готовить на нашей плите?

Одним словом, прокурор сдался. Только на прощание, наверно, сказал:

— Вот напишет какой-нибудь друг анонимный жалобу, приплетет что было и чего не было.

И как в воду глядел Павел Иванович. Нашелся и тайный «доброжелатель», не пожалел денег на марку. Но о нем речь впереди.

А пока суд да дело, с утра пораньше, аж часов в шесть, прокурор, наскоро сколотив из гостей оперативную команду такелажников, резво поволок продукты в детсадовскую кухню. Таскать пришлось много чего: фарш в значительном количестве, мясо, кур, растительное масло, рыбу, картошку, лук и все такое прочее. А в детском саду уже раскалены электрические плиты и персонал в лице поваров, посудомойки и заведующей складом, всего четыре человека, на общественных началах все это пекут, варят, жарят — словом, доводят до кондиции.

Продолжался ажиотаж часов пять. А вы говорите: дома. Да дома за неделю всего этого не приготовить. А потом еще неделю грязь вывозить. Нет, в детском саду намного лучше. Если не считать доброжелателей-анонимов.

У меня лично к анонимам сложное отношение. Ощущать их невидимое присутствие приходится часто, а вот видеть удается не всегда. А письма их читаешь с интересом, потому что ни одно не обходится без значительного процента вымысла. Вроде фантастического рассказа. Так и в данном случае: наш аноним уточнил, что половину продуктов прокурор с супругой взяли из кладовой, от ребятишек. И, дескать, ребятишки потом долгое время недоедали. А зачем это понадобилось писать — вот чего не пойму. Никто на такую низость по отношению к детям, конечно, не пошел: своего было достаточно.

Вот я и говорю: сложное у меня к анонимам отношение. С одной стороны, вроде спасибо за факт. Помог вскрыть очередную болячку на теле общества. А с другой — вскрывать эти болячки надо все-таки чистыми руками. Соблюдая элементарные правила гигиены и порядочности.

И когда все перипетии этой истории стали ясны, я из самых лучших побуждений сказал прокурору:

— Может, сходить мне к Антонине Павловне, показать письмо? Пусть знает, к чему приводит женское упрямство... Из воспитательных целей, знаете ли...

Но деликатный Павел Иванович воспротивился.

— Не стоит... У нее радикулит. Не надо расстраивать.

Однако село есть село. И слухи здесь разносятся мгновенно. Через какой-нибудь час Антонина Павловна сама припожаловала в гостиницу вместе с председателем местного комитета детсада. Обе долго возмущались по поводу людской лжи и неблагодарности. Это обстоятельство особенно огорчало моих визитерш, а сам факт использования детсадовской кухни даже как-то и не поднимался. Когда я растолковал, в чем дело, Антонина Павловна огорчилась еще больше.

— Меня-то пускай наказывают, — сказала она. — Мне все равно, где работать. А что же мужу будет?

— Да ничего не будет, — ответил я. — Стыдно будет, наверное, вот и все. Полюбуйтесь, в какое неловкое положение вы его поставили...

Мы тепло расстались, и я, пользуясь случаем, в заключение решил поздравить молодых. А также пожелать, чтобы в их жизни не было подобных эпизодов.

с. Сакмара, Оренбургской области

М. БЕРКОЛАЙКО, Гр. АРКАДЬЕВ

Премьера

Рассказ

Кульминация пьесы наступила в третьем акте, когда от главного героя ушла жена. Искушенная премьерная публика давно все предвидела, но для главного героя это явилось полной неожиданностью. Он страшно закричал: «Куда ты, Маша?» — и оцепенел. Наступила драматическая пауза...

— Говорят, Копытин тоже сильно переживал, когда его жена бросила, — прорезал тишину голос какого-то театрала.

— Копытина жена бросила?! — ахнул партер.

— И чего ей не хватало?! — возмутился амфитеатр.

— Может быть, не в деньгах счастье? — предположил театральный критик, славящийся парадоксальностью суждений.

— У Семена Борисовича масса других достоинств! — возразила дама из ложи бельэтажа. — С каким вкусом он обставил свою гостиную! А его коллекция чешского хрусталя!

«К Копытину теперь не подступиться: злой, небось, как черт, — думал в это время на сцене главный герой. — Пора монолог начинать, а вдохновение пропало!»

— Не уходила от него жена! — крикнул кто-то с галерки. — Я их недавно вместе видел!

«Фу-у, гора с плеч!» — подумал главный герой. Он открыл было рот, чтобы начать монолог, но новая мысль заставила его забыть о пьесе.

— А почему его нет на премьере? — бросил он в зал.

Тревожные взоры обратились к ложе почетных гостей. Она была пуста.

— А потому его нет в театре, — ответила дама из ложи бельэтажа, — что в центральный универмаг неожиданно нагрянула ревизия, и сегодня Семена Борисовича сняли с поста директора.

— Боже мой! — закричал главный герой.

Зал взволнованно гудел. Из уст в уста передавались новые подробности. Наиболее нетерпеливые спешили к телефонам, а осветители поспешно выключали софиты.

— Какой кошмар! — ломал за кулисами руки автор пьесы. — Все пропало! Плакал теперь мой спальный гарнитур, раз Копытина сняли!

Вдруг в первом ряду поднялся представительный мужчина и авторитетно заговорил:

— Я, как главный бухгалтер универмага и близкий друг Семена Борисовича, решительно опровергаю весь этот вздор. Супруга Копытина любит его так же нежно, как и прежде, а ревизия неожиданно нагрянет к нам на будущей неделе.

— Почему же вы молчали раньше? — упрекнул его театральный критик. — И почему Семена Борисовича нет в театре?

— Я дремал, — ответил главный бухгалтер. — А Семен Борисович был сегодня на охоте и там немножко...

— Знаем мы копытинское «немножко»! — весело воскликнул главный герой.

Зал с облегчением захохотал, автор перестал ломать руки.

Премьера прошла с успехом.

г. Воронеж.

СПЛАВЛЯЮТ...

Рисунок И. СЕМЕНОВА

ТРАГЕДИЯ В ЦУКАТЕ

На витринах города Черновцы появилось кулинарное произведение искусства: торт «Отелло» по мотивам одноименной трагедии Вильяма Шекспира.

И вот он покоится перед нами на столе. На белом поле крема — символе чистоты и верности Дездемоны — в самой середине алая розочка, символизирующая любящее сердце мавра, в которое подлый и коварный Яго уже успел заронить черную вишенку подозрения. Благоговейно разрезаем «Отелло». Вот и слоеная начинка торта, образно выражающая основную идею трагедии — неизбежность краха гуманистических идеалов эпохи Возрождения под влиянием уже возникающих буржуазных отношений.

Итак, первый шаг по линии кулинаризации шедевров мировой литературы сделан. Почему бы не пойти дальше? Не создать, скажем, салат «Война и мир», кефир «Идиот», ликеро-водочное изделие «На дне»?

Б. БРИКЕР, А. ВИШНЕВСКИЙ.

г. Черновцы.

— Что с козлом?
— Несварение! Съел программу вашего клуба.

Рисунок И. СЫЧЕВА

Вл. МАСС

Петух в кино

Один Петух, попав в кино,
нашел жемчужное зерно.
Казалось бы — сенсация, удача:
в кино жемчужин не было давно...
А бедный Петька
из кино
домой вернулся,
чуть не плача.
Собрав в кружок цыплят и кур родных,
Свою досаду он излил подробно:
— Зерно, во-первых, было несъедобно
И не имело смысла, во-вторых.
Ни драки,
ни погони,
ни шпиона,
Ни краж...
Не страшно, но и не смешно.
Вздор, просто вздор, а не зерно! —
закончил Петька раздраженно.

Тут можно сделать вывод. Он таков:
спокон веков
меж зерен попадаются жемчужные.
Они для Петек самые ненужные,
но есть таких немало чудаков.

В. ПОДКОВА, специальный корреспондент Крокодила

КАК БЫ НЕ ЗАКЛЕВАЛИ...

У служебного входа в Брянский областной драматический театр я был остановлен строгим дедом-вахтером.

— Куда? — лаконично спросил дед.

— К директору,— признался я и для убедительности добавил: — К Александру Владимировичу Васильеву.

— Ежели насчет билетика,— сказал дед,— это лучше в кассу — полный то есть простор.

— Да нет, по общественной надобности.

— Не ходи,— посоветовал дед.— Заклюют тебя там...

— Как это заклюют? — удивился я.— За что?

— Да ведь ты председатель месткома? С председателями-то у нас строго. Ежели, к примеру, который нам с Александром Владимировичем не потрафит, мы ему враз укорот сделаем, будь спокоен!

— За что же вы их?

— А они у нас план не выполняют, фордыбачат...

— Как это «фордыбачат»?

— Да уж фордыбачат. Супротив аншлага линию гнут. Мы сперва по-хорошему: так, мол, и так, вот тебе двести билетов. Должен то есть двести людей представить как из пушки... А он обратно свою линию гнет: у вас, мол, товар не ходкий. А уж тогда и мы с Александром Владимировичем осердимся: ты, дескать, про наш товар не гуди, нас само управление культуры одобряет! И звоним, конечно, Мельпомене... вот отчество запамятовал... кажись, Ивановна...

— Зевсовна,— подсказал я.

— А ты откуда знаешь? — насторожился дед.— Наверное, все же из месткома будешь? Может, билеты назад принес? Меня ведь не шибко обманешь, меня даже в мясном отделе не могут обвесить! А с вашим братом у меня строго. Потачки вам не велено давать.

— Почему же не велено?

— Дак ведь вы что делаете? Как вас сверху прижучат, деньги-то за билеты вы, конечно, платите, деваться некуда. Составляете липовую бумагу, что проведена, дескать лекция-концерт с фрагментами из спектакля. И деньги театру перечисляете. А билеты, конечно, выбрасываете. Ну, а из-за этого в зале — полная пустота.

— А через кассу пробовали?

— Чего пробовали? — не понял дед.

— Билеты продавать.

— Э! Да ты все же не здешний! На кассу зритель не идет, нос воротит.

— Отчего же воротит?

— Супротив нас линию гнет. Супротив аншлага то есть... Ну, ладно, я тут при исполнении. Или кажи справку, что ты не из месткома, или давай отсюда... Инкогнитом я тебя не пущу.

И я предъявил ему справку о том, что я не председатель месткома, никогда им не был и не буду.

Строгий дед осмотрел круглую гербовую печать и, успокаиваясь, сказал:

— А мне-то что? Иди. Может, и вправду не заклюют...

г. Брянск

таланты и поклонники

КАК ВАС ТЕПЕРЬ НАЗЫВАТЬ, ЯН ДАВИДС?

Если вы принадлежите к интеллигентному племени филокартистов, то наверняка посмеиваетесь над голословным и наивным утверждением, будто великие таланты рождаются раз в сто лет.

Любой собиратель художественных открыток может легко доказать, что И. И. Левитан, к примеру, родился дважды: первый раз в 1860 году, второй раз — годом позже.

Блистательный Б. Мурильо, родившись в 1617 году (по данным, указанным в одних открытках), легко повторил этот ценный для человечества акт, как явствует из других открыток, в 1618 году.

С дистанцией в год дважды явился на свет божий барбизонец Нарсис Диас де ла Пенья. Э. Делакруа проделал то же самое, но уже с промежутком в два года. А вот Тициан целых восемь или даже тринадцать лет крепился, прежде чем издать первый младенческий крик во второй раз.

Короче говоря, приведенное выше утверждение, будто таланты рождаются раз в сто лет, серьезной научной критики не выдерживает.

Куда более правдоподобно звучит кем-то как-то оброненный афоризм: «Великий мастер каждый раз умирает в своем произведении». Ну, если и не каждый раз, то все же... Издательство «Изобразительное искусство» (Москва) утверждает, что наш знаменитый современник П. П. Кончаловский умер в 1956 году. А «Державне выдавництво образотворчого мистецтва» (УССР) настаивает на другой дате — 1958. Так что ни один даже самый именитый мастер кисти не может с уверенностью утверждать, что двум смертям не бывать...

Кстати, об именах:

Ян Давидс де Гем («Изогиз»)
Ян Гейсум («Советский художник»)
Я. Д. де Хемс (Рига)
Я. де Хеем («Гиз»).

Между прочим, речь идет об одном и том же художнике.

Поневоле воскликнешь: «Как вас теперь называть, Ян Давидс?..»

А когда одна и та же картина И. И. Шишкина называется **«Полесье»** («Изогиз»), **«Ручей в березовом лесу»** («Советский художник») и **«Пейзаж»** («Филателистическая контора»), то можно себе представить, сколько еще захватывающих открытий ждет любого пытливого коллекционера!

Л. САМ.

Пародии

Александр ИВАНОВ

Интерес к С.

К поэту С. питаю интерес,
Особый род влюбленности питаю...

Дмитрий Сухарев.

К поэту С. питаю интерес,
Особый род влюбленности питаю,
Его непревзойденным я считаю
Во всем, к чему ни прикоснется С.

Чудесно пишет. Дьявольски умен.
А как красив! Фигура Аполлона!
Изящен, как коринфская колонна,
И редким интеллектом наделен.

Высокий лоб, почти что римский нос,
Глаза грустны, но взор по-детски ясен.
«Остановись, мгновенье,
он прекрасен!» —
Не помню кто, но кто-то произнес.

К нему понятен общий интерес,
Я этим фактом просто наслаждаюсь,
У зеркала еще раз убеждаюсь,
Как бесподобен этот самый С.!

Владимир ВОЛИН

К вопросу о зависти

Я завидую птице одной —
желтогрудой веселой синице...

Мне хотелось быть похожей
на колхозного коня...

Мне б холку, как у лошади,
Как у жирафы — шею...

Я иду, как белая медведица,
сквозь толпу прохожих и зевак...

Лидия Гладкая.

Я брожу по зоопарку,
Пребывая в мире грез:
Мне ни холодно, ни жарко,
Но завидно мне до слез!

На зверей смотрю — и гложет
Зависть тайная меня:
Почему я не похожа
На бизона и коня!

Мне бы щупальца кальмара,
Трудолюбье муравья,
Мне бы когти ягуара,
Нежный голос соловья,

Мне бы грацию пантеры,
Мне иголки бы ежа,
Чтоб лихие кавалеры
Отступали бы, дрожа!

На природу я сердита:
Вместо пальцев и руки —
Мне бы ласты и копыта,
Крылья, бабки, плавники!..

Михаил ГЛАЗКОВ

Боюсь!

Напрасно наставлял механик
Шальной методике меня:
— Будь с девкой, паря,
понахальней,
Не то замерзнешь у огня!..

Анатолий Богданович.

Я парнем был скромней девчонки,
Ни дать ни взять — теленок был.
Сидел я робко на вечорке
И девок вовсе не любил.

А обожал сосать конфетки.
Куплю, бывало, полкило,
Прижукнусь в угол у загнетки,
И так-то сладко и тепло!

Но как-то раз сосед-механик,
С ухмылкой хитрой на лице,
Стал инструктировать, охальник,
Как тискать девку на крыльце.

Ему-то что,
а мне всё мнится:
А ну как жахнет, что не встать!
И я пустился по станице —
На мотоцикле не догнать.

И хоть не в поле я обсевок,
Вразрез с методикой шальной
С тех пор боюсь я дюже девок
И обхожу их стороной.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

СОЧТЕМСЯ СЛАВОЮ...

Воронежцы со смешанным чувством радости и удивления прочитали недавно афишу городского отдела культуры, возвещавшую о том, что во Дворце культуры имени В. И. Ленина состоится День поэзии.

У каждого в сердце есть поэтическая струнка, поэтому радость была естественна. Удивление же вызвала цитата, приведенная в афише в качестве эпиграфа:

«Я лиру посвятил народу своему»
А. Пушкин.

Поскольку слова эти принадлежат все-таки Некрасову, покладистый Пушкин мог бы по сему поводу заметить: «Сочтемся славою,— ведь мы свои же люди...». Правда, в свое время это было сказано Маяковским, но, наверное, и он бы не обиделся на Александра Сергеевича.

И. КМИТ.

Б. СТАРЧИКОВ, специальный корреспондент Крокодила

ТАМ, ГЛУБОКО ВНИЗУ...

ПРИШЕЛЕЦ С НЕИЗВЕСТНОЙ ПЛАНЕТЫ ПОХИЩАЕТ ДЕФИЦИТНЫЙ ПОДЗЕМНЫЙ АГРЕГАТ И ИСЧЕЗАЕТ В КОСМОСЕ. ПОИСКИ ВИНОВНЫХ ПРОДОЛЖАЮТСЯ...

А дело было в Донецке.

Среди бела дня возле фешенебельной гостиницы «Шахтер» приземлился летательный аппарат без опознавательных знаков. Сел он впритирку к недавно построенному конференц-залу Минуглепрома УССР, и свидетелям почудилось, что у них двоится в глазах,— такими похожими оказались эти два сооружения.

Из люка выбралось существо, имитирующее нормального жителя Земли, и с легким межпланетным акцентом обратилось к ближайшему аборигену:

— Скажите, где тут у вас шахты? Командированный я, к угольной технике присматриваюсь. Всю галактику облетел,— для нашего уровня ничего интересного... Последняя надежда — Земля, Донбасс! Компьютеры сообщили: самая совершенная техника — здесь.

— Постой, как тебя звать-то?

— Зовите меня просто Топливный Разведчик Солнечной Системы, сокращенно ТРСС.

— Тэ-эр-эс-эс? Выходит, по-нашему Тарас. Ну, а я — Остап. Да ты не тушуйся! У нас тут иностранцев полно. Вон в политехническом институте третий выпуск кубинцев этой весной учебу кончает. Наш Донецк с Катовицами и Магдебургом города-побратимы. А три года назад, когда построили этот конференц-зал, так из шестнадцати стран специалисты по углю слетелись. В общем, мы к контактам привычные. Ну и что ж тебя, друг Тарас, конкретно интересует?

— Видите ли, на нашей планете уголь залегает очень неудобно — и глубоко, и пласты тонкие, и направлены они круто вниз...

— Градусов 70?

— Бывает и 80...

— У нас в Донбассе так же! Уголек наш для металлургов самый добротный, да вот лежит он — сам черт не выковырнет. Глубина — до тысячи метров, пласт идет чуть не вертикально, сам тощенький, в среднем сантиметров 80. Однако мы и совсем тонкие — до сорока сантиметров — выбираем. Работа ювелирная! А породы вокруг неустойчивые: там вспучивание, тут сползание, от воды забои раскисают, стойки трещат... Такие тяжелые залегания только в Руре да Калифорнии и есть. Но там их брать не отваживаются.

Пришелец засиял от восторга:

— Не зря я, значит, к вам летел! Мне бы только выяснить, какой хитрый механизм для трудных углей изобрели земные ученые...

— Едем!— сказал Остап.— На комбинат «Артемуголь». Я тебе там все в натуре покажу...

Через час «Запорожец» мчался уже по улицам Горловки. Остап сидел за рулем, гость из космоса едва успевал вертеть головой.

— Гляди направо, это наш пединститут. Гляди налево — филиал политехнического. В городе шесть техникумов, музыкальная школа, картинная галерея...

«Запорожец» резко притормозил.

— Приехали, шахта имени Румянцева. А это заместитель главного инженера комбината товарищ Васильев, кандидат наук. Юлий Васильевич, тут товарищ из космоса механизацией интересуется.

— Механизацией? — с усмешкой переспросил инженер.— Да у нас в Донбассе меньше трети пластов доступны машинам. Остальное вручную вырубаем. Ну, ладно, мы тоже не лаптем щи хлебаем. Для начала покажу вам «Сатурн».

— Да был я на Сатурне... — заикнулся было гость. Но инженер уже распахнул дверь в светлый зал, набитый аппаратурой.

— Так мы окрестили нашу автоматическую систему управления шахтами. Сплошная электроника. Шахтер еще в клеть не ступит, а на центральном пульте уже отмечается: кто вошел, в какое время, куда путь держит.

Мигающие зрачки приборов в соседнем зале привлекли внимание гостя.

— Похоже на командный пульт звездолета,— сказал он.— Когда взлетает корабль...

— Здесь все делается именно для того, чтобы не взлететь,— заметил инженер.— Беда в том, что больше половины донецких пластов опасны внезапными выбросами угля и газа. Выброс превращает многотонный монолит в пудру. Не зря международные совещания по технике безопасности в угольной промышленности созываются теперь именно у нас. Мы лучше других научились прогнозировать и предупреждать жутковатые капризы природы. Пласты угля начиняем датчиками, от них на поверхность идут сигналы. Как только количество импульсов превышает безопасную норму, людей удаляют из лавы, в пласт закачивают воду, она вытесняет газ, и катастрофа не состоится! А вот на этом стенде обозначены все работающие под землей механизмы. Испортился любой из них — замигал огонек на карте — диспетчер посылает ремонтников...

Спустились на семьсот метров в нижний горизонт и только вышли из клети, инженер скомандовал спутникам:

— Включайте персональные светильники. Шахты наши взрывоопасны, так что все механизмы работают не на электротоке, а на сжатом воздухе. Тульские конструкторы умеют делать не только самовары: они создали электровоз, который в таких условиях безопасен. А теперь посмотрите сюда.

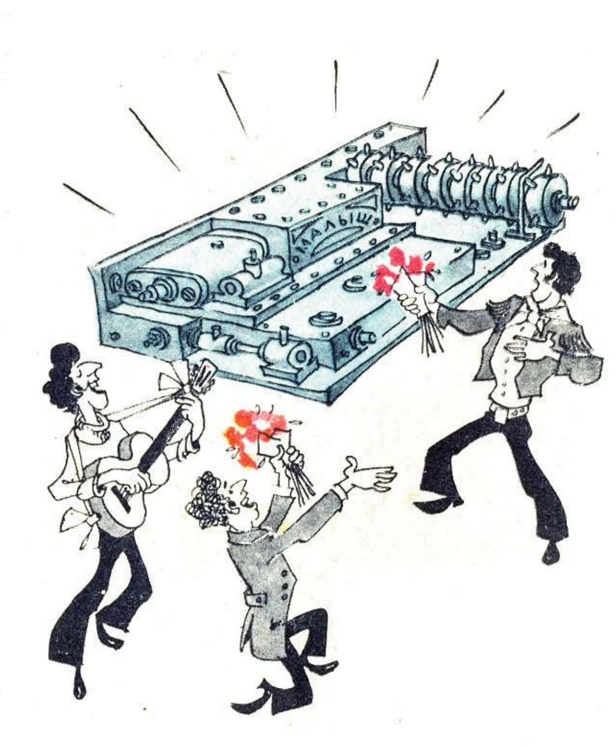
Лучи светильников уткнулись в небольшую машину. Как добрый железный зверь, она присела на задние лапы, вытянув к своду штрека голову с зубастыми шарошками. Инженер ласково потрепал ее загривок.

— Это наша «Стрела». Прогрызает ходы в самых крепких породах. Спроектирована в Донецке, изготовлена в Горловке. Очень по вкусу и нам и зарубежным горнякам.

— Нам бы такую!— сказал Пришелец.

— Это еще не все,— продолжал инженер.— Какие у нас щитовые агрегаты — не видели? Сами уголь строгают, сами к спуску его толкают, сами забой крепят. Работяги-универсалы!

— И это нам тоже нужно! — воскликнул гость.

— Всем нужно...— вздохнул инженер.— Полагаю, вы и от комбайнов бы не отказались. Есть отличные машины для средних пластов! Ну, а для тонких наши комбинатские рационализаторы, не дожидаясь ученых, сами сконструировали мини-комбайн «Малыш». Он рубает уголек в забоях шириной всего сорок сантиметров. Пылкие испанские горняки так в него влюбились, что серенады под гитару пели: «От любви сердце бьется несмело, дайте нам одного Пекеньело!..» Это значит «малыш» по-ихнему...

Свернули в боковой штрек. Юлий Васильевич посветил в узкую щель под ногами, из темноты слышалось стрекотание отбойных молотков.

— Ну, а теперь наденьте респираторы, и милости прошу в лаву. Только в ней тесновато, толщина пласта — ширина плеч. Да не забывайте, что внизу десять уступов, 130 метров пустоты!

Опираясь спиной о почву, руками и ногами в стойки, начали спускаться. Светильник на каске выхватывал лучом то скользкий сланец кровли, то короткие сосновые стойки с расщепленными от давления торцами. Метров через пятнадцать гость почувствовал, что руки-ноги у него дрожат, пот заливает глаза. «Веселенькая экскурсия!— подумал он.— А люди, между прочим, здесь работают...»

— Эге, да вы спортсмен!— услышал он ободряющий голос инженера и нащупал лучом фигуру забойщика. Семикилограммовый отбойный молоток в руках шахтера легко перелетал с места на место; казалось, человек не чувствовал тесноты, духоты и уж тем более страха. Он привычно посвечивал на кровлю — не пучит ли, не трещат ли стойки, и, чуть развернувшись, налегал корпусом,— из-под пики с грохотом обрушивался мерцающий поток угля.

Когда выбрались обратно в штрек и отдышались, первым заговорил Тарас-Пришелец:

— Так вот, я хотел бы взять с собой образцы основных механизмов. Не беспокойтесь, у меня все оформлено. Есть заявка от центрального руководства нашей планеты, есть доверенность на мое имя... Расчеты оформим в счет взаимных поставок... Значит, во-первых, я у вас забираю один щитовой агрегат. Это же сказка!..

— К сожалению, дорогой гость, машиностроители за три года недодали нам с десяток таких сказок... Так что уж извините, самим не хватает. Буровые механизмы тоже не просите, их недодали 17.

— Но комбайн-то хоть один дадите?

— Хм... Видите, тут какая история... На всем нашем оборудовании стоят пневмодвигатели, которые из-за их скверного качества с производства уже сняты. А новые, лучшие, в серию еще не запущены. И пока проектировщики спорят с заводами о технологии, мы латаем остатки и переставляем с комбайна на комбайн. Прочие запчасти тоже чаще во сне видим. Кое-что делаем сами, кое за чем шахтеры едут на соседний завод, достают правдами и неправдами. Некоторые исхитряются даже от сельхозтехники детали приспосабливать.

— Ну, а «Малыш»? — напомнил Пришелец.

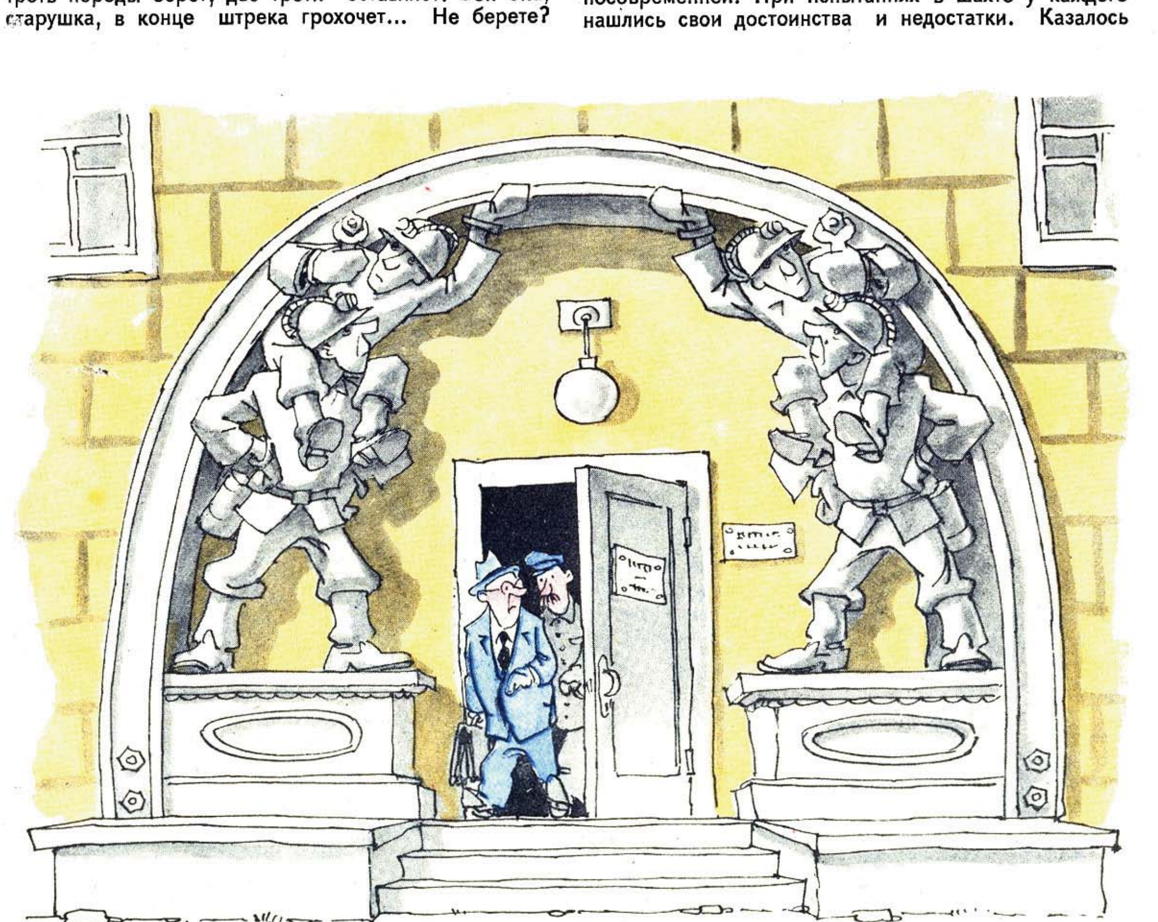
— Да тоже не могу удружить — нам их всего десяток на экспериментальном заводе сделали. А в серию запускать никто не берется.

— Ну хоть электровоз! Взрывобезопасный!

— Честно скажу: мы сами его только в Москве на ВДНХ видели. Уникальный красавец, существует в трех экземплярах. Как говорится, «руками не трогать»!..

— Ну, тогда, может быть, дадите одну породопогрузочную машину?

— Ох-хо-хо... Нам их тоже одиннадцать штук недодали. Впрочем, ладно, для хорошего инопланетянина не жалко. Да только вы сами не возьмете... Конструкции этой лет тридцать, возраст музейный, а новее ничего нет. Зовут ее пневмомеханическая лопата. Но к ней нужны еще человек шесть с лопатами совковыми, потому что захват у нее узкий, треть породы берет, две трети оставляет. Вон она, старушка, в конце штрека грохочет... Не берете?

Так я и думал. А рядом, между прочим, наши ребята арочные крепи ставят. Приглядитесь, тоже процесс доисторический, поднатужившись, несколько местных Жаботинских выжимают многопудовую железяку под свод. Аплодировать некому, потому что одни держат, другие болты свинчивают. Атланты! И труд тяжкий и по времени отнимает треть проходческого цикла. Есть тут у них в бригаде самодеятельный скульптор, конечно, не Микеланджело, но девушку с веслом вылепить может. Так вот, соорудил он однажды из гипса «шахтерских кариатид»—предлагал оформить ими вход в шахтоуправление. Идею не поддержали...

— Не понимаю... — молвил озадаченный Пришелец. — Не понимаю я, как же вы планы по добыче выполняете?

— А мы их не выполняем,— уточнил инженер. — Мы их перевыполняем. С той техникой, какая есть. Сравнительно с Кузбассом или Карагандой наши шахты, конечно, воображение не потрясают. Там геология просторная: к ним в забой не только минский самосвал — орга̀н из Большого зала консерватории затащить можно. Ну, а для крутых и тощих пластов нигде в мире лучше наших машин не придумано. Жаль только, что на ватмане их создано больше шестидесяти, а заводы выпускают всего пять. Должок за машиностроителями!

— Так вот почему,— сообразил Тарас-Пришелец,— первое, что я услышал на донецкой улице, был спор, какие молотки лучше.

— К сожалению, этот спор слишком затянулся. Много лет верой-правдой служил шахтерам старый томский отбойный инструмент. Но время шло, и стал он не соответствовать уровню: производительность не та, вибрация опасна для здоровья. Два проектных института взялись создать образцы посовременней. При испытаниях в шахте у каждого нашлись свои достоинства и недостатки. Казалось бы, сядьте рядом, объедините усилия! Однако авторы встали на путь конкуренции и проволочек. Пять лет разделяли их непробиваемые барьеры ведомств, трясла лихорадка самолюбий. Сравнительные качества двух молотков стали темой десятков заседаний и совещаний, протоколов и актов. А в шахтах до сих пор не хватает надежного и безопасного инструмента...

— Ну что ж,— вздохнул Пришелец,— понимаю ваши проблемы и сочувствую. Но хоть чертежи-то основных агрегатов удружите?

— Это пожалуйста!..

Когда и как стартовал с донецкой земли Пришелец, никто не заметил.

А вскоре после этого на комбинат поступило сообщение, что с одной из шахт загадочно исчез комбайн «Малыш». Гость из космоса, оказалось, парень не промах! Впрочем, чего тут удивляться: в такой ответственный вояж растяпу из другой галактики не пошлют!..

Стоит ли теперь искать виновного среди квазаров и спиральных туманностей? Ну, не хватает одного комбайна — так списать его, и дело с концом. Хуже то, что на шахтах Донбасса действительно не хватает необходимейшей техники. И тут уж пришелец из космоса неповинен... Виноваты другие...

Вот бы их найти!

Донецк — Горловка.

— Гляди в оба! Опять шахтные механизаторы запчасти ищут!

Ю. КОТЛЯРСКИЙ

Рассказ

Навстречу судьбе

— Ну, Любочка,— наигранно бодро проговорил муж, входя в квартиру,— готовь свое новое платье: сегодня вечером идем к Орловым.

Люба испуганно вздрогнула и бессильно уронила руки.

— К Орловым?

— Ну да,— неуверенно повторил муж,— к Орловым. На день рождения. Чего ты испугалась?

— Как чего? Будто сам не знаешь.

— Ну-ну, не надо уж так панически... Может, все еще обойдется...— протянул супруг.

— Не обойдется. По глазам вижу: не обойдется,— обреченно вздохнула Люба.

— А не обойдется — значит, судьба. От нее, известно, не убежишь.

— Что же ты раньше молчал?

— Не хотел раньше времени огорчать.

Люба схватила мужнины руки и крепко прижала к своей груди.

— Ленечка, дорогой мой, сокол ты мой, солнышко ты мое, не ходи к Орловым на день рождения, откажись!

— И не уговаривай, Любочка, не могу,— твердым, решительным голосом произнес Леонид.— Воробьевым бы отказал, Синицыным и Снегиревым бы отказал, даже Ястребовым и то бы отказал, а Орловым, хоть убей, не могу. Не такие они люди. Ты же знаешь, чем я обязан ему.

— Ну позвони, скажи, что заболел.

— Глупая у тебя голова. Мы же с ним только сегодня виделись. Да он и не поверит...

Муж глубоко втянул в легкие воздух и, взглянув на жену, блудливо отвел глаза в сторону.

— Ох, и что же с тобой будет, Ленечка!

— Известно что,—твердо произнес он,— упьюсь в доску. Помнишь, как они Сычева тогда упоили, ха-ха-ха! Насилу, бедного, откачали. Они такие, кого угодно уговорят. Да я по слабости характера и отказаться-то не смогу.

— А может, попробуешь? — С надеждой взглянула на него Люба.

— И не проси, не смогу. Значит, потом опять на улице песни орать начну, либо к прохожим приставать, или, хуже того, набуяню.

— Ленечка, сокол ты мой, я за тобой присмотрю, ты только не сопротивляйся. Может, еще все и обойдется.

— Какое там. Набуяню как пить дать. А если набуяню, одним строгачом уже не отделаюсь.

— В третий раз...

— То-то и оно. В третий раз могут и на десять суток упечь.

— А ты покайся в милиции, извинись.

— Сказала тоже! Ну покаюсь, ну извинюсь. А они возьмут и вдобавок на работу напишут. А у нас сейчас, сама знаешь, как с этим строго. Новый директор и сам ни капли в рот и другим ни-ни. Значит, годовой премии лишат.

— Кабы только премии! — снова вздохнула Люба.

— Правильно, в корень глядишь,— поддакнул муж.— Премия что? Ерунда, тьфу! А могут и в должности понизить. Ну я, конечно, не выдержу, расшумлюсь, а они в отместку меня с работы попрут, да еще так ославят в газете на весь район, что потом глаза от стыда девать некуда будет.

— Ой, и что же тогда?

— А ты не догадываешься, куриная голова? Придется из города уезжать, искать работу на стороне.

— Ой, светы! И куда же мы отсюда поедем? Тут мое хозяйство, соседи, работа хорошая,— схватилась за голову жена.

— Нет уж, семь бед — один ответ. Пока мальчишка школу не кончит, никуда вы отсюда не уедете. Нечего ему мотаться по свету за непутевым отцом. У него тут учителя хорошие, друзья-приятели, сам круглый отличник. А как оно там на стороне будет, еще неизвестно. Ты, Любочка, помни меня, письма пиши. А я вам деньги на житье-бытье присылать буду. Ты не беспокойся.

— Я, Ленечка, не за то беспокоюсь.

— А чего еще? Видеться будем. То ты ко мне в гости приедешь, то я к тебе загляну. Отпуск по возможности проводить будем вместе.

— А как же семья?

— Что семья? Жизнь, злодейка, и не таких, как мы, разлучала. Ее и винить надо. Ты о ребенке больше пекись, воспитывай в любви к родителям. Ну ладно, замечтались мы, а время бежит, пора и в гости собираться.

— А может, Ленечка, не пойдешь? Одумайся, откажись!

— Опять ты за старое. Я же тебе сказал: не могу отказать я Орловым. Понимаешь ты, не могу.— И, задумчиво прищурив темные бездонные глаза, решительно заключил: — Эх, и повеселимся!

В. НИКОЛАЕВ

В зрелом возрасте редко меняют профессию. Разве что дотошные журналисты возьмут вдруг и станут за прилавок или сядут за руль такси, но и то ненадолго, на время, из соображений сугубо творческих.

Нечто подобное проделал и американский профессор Джордж Киркхэм. Его официальное место работы — университет в штате Флорида, специальность — криминалистика.

Итак, в один прекрасный день среди восьмисот полицейских графства Джексонвилл-Дюваль появился новичок, рослый мужчина при усах, с бдительным, можно сказать, профессиональным прищуром. Это и был наш герой Киркхэм. Что привело его в ряды доблестной местной полиции? На этот вопрос он сам отвечает так: «Еще будучи студентом, а затем профессором криминалистики я был озадачен тем, что большинство пишущих книги и статьи о полиции сами никогда не были полицейскими. Потому я и решил пойти в полицию».

Киркхэм оказался упорным и настойчивым в достижении своей цели. Полгода он патрулировал по улицам со своими новыми коллегами, отслужив более ста полновесных смен. Этот немалый опыт позволил профессору затем описать свои впечатления и по-новому взглянуть на те проблемы, которыми он занимался теоретически. Как это, к сожалению, в жизни нередко и бывает, практика отнюдь не подтвердила теорию. Полугодовая служба в полиции сокрушила многие теоретические догмы профессора и открыла ему глаза на те факты, которые он просмотрел из окна своего кабинета.

Свою исповедь профессор-полицейский начал так: «Люди академического склада, такие же, как я, обычно склонны во многом винить нашу полицию...». Далее он развивает мысль. Многие криминалисты - теоретики, пишет он, считают, что полиция часто превышает свои права, порой зазря оскорбляет порядочных граждан и словом и делом. Короче говоря, профессор с самого начала повествования не скрывает своей, мягко говоря, неприязни по отношению к полиции. В то же время он не скрывает и того, что всегда верил в авторитет полиции и в то, что она все же пользуется уважением среди населения.

И вот началась проверка теории практикой. В первое же дежурство Киркхэм и его коллега по патрулю были вызваны в бар, чтобы утихомирить разбуянившегося пьяницу.

«Как человек с большим опытом работы по борьбе с преступностью,— пишет Киркхэм, — я решил взять инициативу в свои руки.

— Простите, сэр, — сказал я с приветливой улыбкой пьянице,— не могли бы вы выйти из бара на минутку и поговорить со мной на улице?

Человек в недоумении уставился на меня и, вытаращив налитые кровью глаза, поскреб многодневную щетину на своем лице. Затем он вдруг развернулся и ударил меня. Пытался попасть в лицо, но удар пришелся в шею».

Изумленный Киркхэм не успел прийти в себя, как завязалась драка. В результате он и его напарник по патрулю одолели пьяницу и засунули его в полицейскую машину. «Задыхаясь, весь растрепанный,— пишет Киркхэм,— я в смущении смотрел на свой порванный новенький мундир, а мой коллега только сочувственно улыбался и похлопывал меня по плечу».

Другой случай выглядел поначалу совсем пустячным. Киркхэм и его напарник заметили, как некий молодой человек пытается приткнуть свою машину не на положенном для стоянки месте. Киркхэм вежливо попросил его не делать этого и проехать дальше. В ответ наглый юнец обрушился на обоих полицейских с грубой бранью. Началась перепалка. Нарушитель ни за что не хотел съехать с этого места. Собралась толпа. К удивлению Киркхэма, она была отнюдь не на стороне блюстителей порядка. Когда полицейские объявили юнцу, что тот арестован, и потащили его в свою машину, какие-то мужчина и женщина выскочили из толпы и пытались отбить молодого человека. Началась драка. Женщина вцепилась в профессорский пистолет, пытаясь им завладеть. Его более опытный напарник успел выхватить свой пистолет. Под этой угрозой толпа отпрянула, а Киркхэм смог пробиться к машине, чтобы вызвать по радио подкрепление.

В конце концов распоясавшийся молодой человек был доставлен в полицию. Но лучше бы его отбила толпа! Каково было Киркхэму увидеть на другой день того самого юнца на той же самой улице! «Горько стало мне,— признается Киркхэм,— когда этот тип, едва не спровоцировавший накануне уличный мятеж, при встрече с нашим патрулем рассмеялся нам в лицо».

Нехорошие мысли и подозрения по поводу американского правосудия появились в не замутненной до этого никакой печалью голове профессора. «Образованный человек, — сокрушается Киркхэм,— я не мог ответить на недоуменные вопросы моих коллег-полицейских, вопросы о том, почему убийцы и прочие опасные преступники зачастую не получают в суде по заслугам, почему вдруг закон оказывается на их стороне». Это, так сказать, теория. А вот и практика: «Я вспоминаю такой случай. Подошел я на дежурстве к тайному торговцу героином и, как это положено, начал с перечисления его прав в случае предъявления ему обвинения. Не дослушав меня до конца, тот расхохотался и сам договорил за меня окончание моей тирады». Вот так! Заведомый преступник полностью уверен в своей безопасности и смеется над чудаком-полицейским, убежденным, что закон превыше всего.

Да, было чему удивляться новоявленному полицейскому в долгие часы своих дежурств! Оказалось, что со скромного полицейского поста увидишь больше, чем с высоты профессорской кафедры. Увидишь и горько задумаешься...

«Я бы очень хотел,— пишет Киркхэм,— чтобы каждый американский судья и юрист мог видеть преступность во всей ее неприглядности, так, как это видит полицейский на своем посту: ни в чем не повинных людей режут, стреляют, бьют, насилуют, грабят, убивают. Это, я убежден, позволило бы им иначе взглянуть на проблему преступности».

Не слишком ли оптимистичен профессор? Поможет ли американским служителям Фемиды переодевание в полицейскую форму?

Известно, что ежегодный доход всеамериканской преступной корпорации превышает пятьдесят миллиардов долларов. Эта сумма превышает доходы всех американских автомобильных кампаний, вместе взятых. Она превышает стоимость всех акций, продающихся на нью-йоркской бирже в течение года. И не секрет, что из этих пятидесяти миллиардов гангстеры отпускают ежегодно четыре с половиной миллиарда долларов (тоже официальная цифра!) на подкуп американских стражей закона. Не в этой ли цифре таится ответ на наивное недоумение профессора Киркхэма?

— Фу! Рыба такая дорогая, а пахнет нефтью!
— Нефтью? Немедленно повышаю на нее цену!

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

ВАШИНГТОН. Недавно стало известно о новой тайной войне, которую ведет Центральное разведывательное управление США. «На протяжении двух лет,— сообщает журнал «Тайм»,— ЦРУ использует свои лучшие умы, идет на все уловки, чтобы помешать опубликованию книги «ЦРУ и культ разведки» в полном виде». Автор книги Виктор Марчетти сам работал в ЦРУ и знает эту организацию «плаща и кинжала» как облупленную. Марчетти рассказывает, как ЦРУ совало свой нос и лапы во внутренние дела Индонезии, Перу, Чили, Лаоса и других стран.

Судя по тому, что бывшие коллеги автора выдрали из рукописи 168 кусков, оставив на их месте белые пятна, они люди отменной скромности, чурающиеся шумной славы.

РИО-де-ЖАНЕЙРО. Любовь не только нежное чувство, но иногда и спасительное. В этом убедился английский уголовник Рональд Биггс, участник «преступления века» — ограбления почтового поезда на сумму 7,3 млн. фунтов стерлингов. Сбежав из тюрьмы, Биггс девять лет находился в бегах, пока его не обнаружили в Рио-де-Жанейро. Однако между Англией и Бразилией нет договора о выдаче уголовников. Поэтому бразильские власти приказали Биггсу покинуть страну, но с условием, что если ни одно государство его не примет, он будет препровожден в Венесуэлу, где его уже давно жаждут засадить на 5 лет в тюрьму за подделку венесуэльского паспорта. Конечно, пять лет отсидки — не двадцать восемь, каковые уготованы Биггсу в родной Англии, но это тоже не подарок...

И вдруг вмешался бог любви Эрос и отвел от вòрота рубахи Биггса жилистую руку закона. Обнаружилось, что бразильская подружка Биггса — некая Раймунда Насименто готовится через два месяца осчастливить залетного британца потомством. А бразильский закон запрещает высылать иностранца, на иждивении которого находятся бразильские дети.

— Люблю Раймунду и Бразилию! — от души воскликнул Рональд Биггс.

Народный художник СССР Бор. ЕФИМОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Я не знаю, видит ли генерал Пиночет карикатуры на чилийскую хунту, публикуемые в советских газетах и журналах, в печати социалистических стран. Возможно, что адъютанты и секретари генерала-палача, щадя драгоценные нервы шефа, старательно прячут от Пиночета эти нелестные для него изображения.

А может быть, кое-что и попадается ему на глаза.

— Ну и что? — говорит, вероятно, главарь хунты.— И вовсе на меня не похоже. Какие-то обезьяны нарисованы. С топорами. Где ж у меня топор?

И добавляет скрипучим голосом:

— И вообще, важное дело — карикатуры! У меня военные трибуналы, концлагеря, автоматы. Могу кого хочу расстрелять. А тут карикатуры... Подумаешь... Переживу!

Генерал-горилла грубо заблуждается. Дело обстоит как раз наоборот: не он переживет карикатуры, а карикатуры переживут его. И надолго.

Это можно показать на историческом примере. Как известно, у чилийских извергов были предшественники покрупнее масштабом. По сравнению с гитлеровскими людоедами Пиночет — мелкий гад, нечто вроде гадюки рядом с чудовищным удавом.

Было время, когда Гитлер со своей сворой тоже упивался властью, мучил, терзал и убивал беззащитных людей, издевался над ними. При этом фашисты были убеждены, что останутся безнаказанными: ведь сила была на их стороне. Гитлеровцев тоже раздражали заграничные карикатуристы, разоблачавшие гнусное мракобесие нацизма, но вожаки третьего рейха, так же как теперь пиночетовцы, скрывали бессильное бешенство гримасой безразличия: «Подумаешь, картинки... Наплевать!»

Кстати сказать, с точки зрения карикатуристов рисовать гитлеровских главарей было интереснее, чем чилийских генералов. Как-никак у первых было что-то индивидуальное в обличье и повадках. Бесноватый фюрер с разбойничьим чубом и чаплинскими усиками был не похож на пузатого, увешанного побрякушками Геринга, а тот, в свою очередь, внешне отличался от тщедушного, колченогого Геббельса. Свои характерные черты были у Гиммлера, Розенберга, Риббентропа.

А Пиночет и его подручные? Они — подражатели гитлеровской шайки и, как все подражатели, лишены ярко выраженной индивидуальности. Все они на одно лицо — злобные, тупые, кровожадные человекообразные твари. Одним словом, г о р и л л ы.

Сегодня пиночеты устраивают беззаконные судилища над демократами и патриотами. С острова Досон в Сантьяго доставлен в кандалах товарищ Луис Корвалан. Чилийская хунта собирается учинить над ним суд и расправу, как в свое время в Лейпциге предшественники горилл усадили на скамью подсудимых замечательного коммуниста Георгия Димитрова. Мир помнит, что провокационный процесс о поджоге рейхстага закончился позорным провалом его организаторов.

Недавно мне подарили в Болгарии отлично изданный альбом под названием «Двубоят 1933» («Поединок 1933»). Он содержит больше ста двадцати сатирических рисунков из собрания Центрального музея Георгия Димитрова в Софии. Карикатуры, плакаты, фотомонтажи, созданные болгарскими, немецкими, советскими, французскими и другими художниками-сатириками в дни лейпцигского судилища, раскрывали варварство и мерзость фашизма, бичевали гитлеровских провокаторов, предрекали неминуемую их гибель.

Есть в альбоме и мои карикатуры сорокалетней давности. Среди них опубликованный в ту далекую пору в «Известиях» сатирический рисунок «Суд идет».

СУД ИДЕТ...

Где теперь Гитлер, Геринг, Геббельс? Прах этих извергов давно развеян по ветру. А карикатуры, бичевавшие их подлые преступления, живут и сегодня, клеймя языком сатиры историческое бессилие фашистского мракобесия.

Мы уверены: так же, как антигитлеровские карикатуры пережили Гитлера, карикатуры, бичующие злодеяния чилийской хунты, переживут кровавых пиночетов.

Ганс ВАЛЬДЕ

Остается по-прежнему...

Магистрат Западного Берлина отказался от предложения демократических организаций переименовать площадь кайзера Вильгельма в площадь Сальвадора Альенде.

Ссылаясь
На незыблемость привычек,
На то,
Что перемены канительны,
Решили власти:
Площадь, как обычно,
Пусть будет плацем
Кайзера Вильгельма.
В честь кайзера Вильгельма
Встала башня,
Есть церковь
С голубочками на кровле...
Пекутся там
О дне позавчерашнем
С особым вдохновеньем
И любовью.
Есть просто площадь кайзера...
Какого!
Какого хочешь —
Выбирай по вкусу!
Пусть в памяти
Не гаснет это слово,
Пусть помнят
Венценосцев длинноусых.
В честь кайзера
Пять улиц есть красивых,
В честь кайзера —
Аллеи две прямые.
Воскрес бы он
И вымолвил: «Спасибо!»
А кой-кому —
По крестику на выю.
На улице на кайзеровской
Праздник:
Монархов почитают,
Как когда-то...
Среди таких
Найдется место разве
Великому
Чилийцу-демократу!

Перевел с немецкого Николай ЭНТЕЛИС.

Н. ЯКОВЛЕВ, специальный корреспондент Крокодила

ЧТО ЗА ТАЙНОЙ ?

Гражданин Севастьянов пожаловался: настрой его супруги резонирует в нем тоску. И хочет-то человек совсем малого. Пусть его Нина Петровна возвращается домой вовремя и не хмурой. Посвящает свободное время супружескому очагу, а не кипе служебных бумаг.

...И вот я сижу в коридоре областной торговой инспекции, где работает государственным инспектором супруга гр-на Севастьянова.

Я узнаю, что коллектив, где работает Нина Петровна, небольшой. Жизнь инспекции изо дня в день течет без разнообразия. Дегустации, проверки магазинов, отчеты...

«За квартал проведено 31 производственное совещание, на которых присутствовало 939 человек, 11 семинаров для 422 человек». События, прямо скажем, не из занимательных.

И вдруг из кабинета начальника инспекции донеслось чихание. Забегали сотрудники. Один несет чай с лимоном, другой банку растворимого кофе с апельсином. Звонки в торги: заболел шеф, нужно то, надо другое. Словом, чуткость что надо!..

И все это так на меня подействовало, что я прошмыгнул в кабинет начальника тов. Аптекарева Б. П.

— В редакцию,— говорю ему,— доходят жалобы, что у вас в учреждении не очень чуткое отношение к работникам...

— А кто мог такую чушь написать? — спрашивает Аптекарев.

— Это редакционная тайна,— отвечаю.

— Можете не говорить,— разрешил Аптекарев.— Мы это и так знаем: Нина Петровна. Сейчас я приглашу двух моих заместителей, и они подтвердят это.

Едва заместители В. М. Полянский и Е. С. Пушкарский услышали мнение шефа, они тотчас же согласились:

— Те, кто мог написать на нас жалобу, давно уволились. Осталась одна Нина Петровна.

— Почему вы так о ней думаете? — удивился я.— Она плохой человек?

— Петровна — замечательный человек,— отвергли это предположение собеседники.— Мы с чистой совестью можем рекомендовать ее на любую ответственную работу.

— А как она видит обман! — воскликнул Аптекарев.— При проверке саратовского универмага она однажды извлекла спрятанные от покупателей в мусор 62 ковра, 242 фарфоровых сервиза, 3 300 тарелок, 4 260 кружек и множество других товаров повышенного спроса...

— Может быть, она злоупотребляет высоким положением госинспектора? — заподозрил я.

— Да нет,— поморщился начальник инспекции.— Дело совсем в другом. Между нами и торговлей установились теплые, дружеские отношения. Одно дело делаем! А Нина Петровна видит в торговле слишком много недостатков. Ее, рядового инспектора, боятся, хоть не посылай на задания. Недавно проверила ресторан «Волга» и такое навскрывала — в пору отстраняй директора Литвинову от работы. А та заслуженный повар РСФСР. Начались звонки...

— И вы спасовали! — догадался я.

— Это она так изобразила? — негодующе спросили руководители инспекции.— Не слушайте. Мы усомнились в ее объективности и послали инспектора Ермолаева для повторной проверки. Тот подтвердил наши предположения.

— Директор ресторана подписала новый акт и созналась, что предыдущий подписала под давлением Нины Петровны,— добавил Полянский.

— Когда Петровна узнала это, перепугала всех насмерть. За сердце — и в обморок. Мы тут же вызвали «Скорую», проводили ее. Так что в бесчувствии нас не упрекнешь,— подчеркнул Б. П. Аптекарев.— Зато мы оберегли доброе имя торгинспекции. Взять бы Петровне в толк, что принцип нашей работы — дружба с торговлей, только дружба, и все было бы отлично. А так — лучше ей уволиться.

Недавно в инспекции состоялось партсобрание. Коллеги Нины Петровны проявили бдительность: решили разобраться, о чем она могла написать в «Крокодил». И ей, старой работнице, коммунисту с двадцатипятилетним стажем, выразили недоверие «за разглашение профессиональной тайны корреспонденту «Крокодила»...

Нина Петровна слегла. Ее супруг тоже. А посему проблема зависимости настроения жен от чуткости их коллег по работе, как вы понимаете, отпала сама собой.

г. Саратов.

С. ПИВОВАРОВ

Музыкальная история

И был оркестр,
И ресторанный зал,
И пьяный дядя
Роста исполинского,
Который шумно встал
И заказал:
— Прошу исполнить
Майонез Огинского.

Н. КНЯЗЕВ

О премиях

Иным бы вместо премий
не мешало
Давать заполнить «Спортлото»
билет,
Чтобы потом сама судьба
решала —
Они достойны премий или нет!

Юрий Леонидович ЗОЛОТАРЕВ
(К 50-летию со дня рождения)

Дружеский шарж Н. ЛИСОГОРСКОГО

— Странного какого-то зоотехника нам прислали!

Рисунок М. БИТНОГО

Борис ЛАСКИН

ДИПЛОМАТ

Рассказ

Вы, наверно, заметили — в жизни иной раз случаются очень интересные совпадения. Вот как раз об этом расскажу я вам одну небольшую историю.

Есть у меня знакомая девушка. Антонина. Тоня. Не знаю, как в дальнейшем сложатся наши отношения, но, думается, все будет хорошо.

А началось с того, что Тоня на меня здорово обиделась. Я был виноват, что правда, то правда. Раз опоздал на свидание, другой раз закрутился, опять она меня зря прождала, а характер у нее такой взрывоопасный, что того и гляди, взлетишь на воздух. Честно сказать, мне это в ней нравится. Я люблю определенность характера: тогда только человек искрит, когда проявляется настоящее чувство.

И вот получаю я от нее записку: «Володя! Я подумала и решила — лучше нам больше не встречаться. У тебя будет много свободного времени, и ты сможешь укрепить память. Это все, что я могу тебе сказать. Не звони и не приходи».

Я позвонил, отец ответил, что Тони нет дома, но я ясно слышал ее голос. Недели полторы прошло, встречаю ее на улице, она делает вид, что меня не замечает. Думаю: ладно, подожду, может быть, сама проявит мирную инициативу.

И вот приходит ко мне мой друг-приятель Бурчалкин Вениамин Иванович. Моторный парень, все время он в действии, как движок — тр-тр-тр-тр, минуты не может прожить в спокойном состоянии. Рассказал ему о своих переживаниях. Веня говорит: «Пустяки! Выступлю как посредник». Я говорю: «Не надо, ты только дров наломаешь». Веня говорит: «Не смеши меня, Володя. Я ведь на заводе работаю исключительно из любви к технике. Меня уже давно дожидаются в Министерстве иностранных дел. Подробностей не сообщай, они меня не интересуют. Главное я усек: ты обидел человека, проявил невнимание. Нужно наладить ваши контакты. Для меня это задача простая, как таблица умножения. Давай адрес своей Тонечки. Если других порочащих поступков за тобой не числится, ты в порядке».

И тут меня взяло сомнение. Думаю: только хуже будет. Она ж меня на смех поднимет. Скажет: не парень, тряпка, сам не решился прийти, прислал товарища.

А Веня нажимает: «Я сейчас в хорошей форме, это у меня будет разминка перед уходом на дипломатическую работу».

Ладно, думаю, была не была, даю ему адрес.

Веня говорит: «Ожидай радостного сообщения. Брейся, надевай белую сорочку. Привет!»

И ушел.

А сейчас я вам расскажу, что в итоге получилось.

Пришел Веня по указанному адресу, ничего не перепутал — улица Сосновая, дом двадцать шесть, квартира восемь. Но Смирновы — Тонины родители, братишка ее и она — все переехали в новый дом. На Сосновой у них было тесновато, и они получили трехкомнатную квартиру. Но я этого еще не знал, и Тоня мне ничего не сказала из суеверия, чтоб не сорвалось. А туда, в квартиру восемь, въехала новая семья. Помните, я про совпадение говорил? Туда въехали тоже Смирновы, фамилия распространенная, бывает.

А дальше я в точности приведу Венин рассказ.

«Значит, так. Получил задание. Прибыл по адресу. Открывает мне дверь мужчина средних лет. Ну, думаю, увы, маленько опоздал, она уже замуж вышла. Но с ходу ни о чем спрашивать не стал. Решил — начну издалека, как дипломат.

Говорю мужчине: «Здравствуйте!» И женщине, которая появляется, тоже говорю: «Здравствуйте!» И сразу делаю намек: «Вижу, что ваша семья не вся в сборе». «Да,— говорит,— только дочки нашей нет дома». Я говорю: «И хорошо. Перед вами чрезвычайный и уполномоченный посол. Прибыл с целью восстановить мир. Мне Володя поручил извиниться за свое недостойное поведение в отношении вашей дочки».

Мужчина головой качает: «А почему ж он тоже не пришел? Он ведь не маленький, ходить вроде бы умеет». Я говорю: «Он просто стесняется, поскольку виноват, но я имею полномочия сообщить обиженной стороне, что Володя к ней очень хорошо относится. Он хочет с ней дружить». «Оно и видно»,— говорит мужчина. «Так не дружат.— Это уже женщина говорит.— Ваш Володя плохо воспитан».

Тогда я думаю: надо пошутить. Я говорю: «Да, по линии воспитания имеют место отдельные недостатки. Это у него осложнение после кори — память немножко ослабла, но ничего, это пройдет».

Мужчина говорит: «Дело здесь не в памяти. Он должен помнить, что существуют какие-то правила поведения. Ведь это надо же — положить ей в карман лягушку!.. Знаете, как она перепугалась!..»

Я говорю: «Володя мне об этом ничего не сообщил»,— а сам думаю: действительно, довольно-таки странный выбрал способ ухаживания. «Когда,— спрашиваю,— он позволил себе такую глупую шутку?»

Мужчина говорит: «Недавно, в Подрезкове, в лесу. А эта история в столовой? Облил ее компотом. Наверное, решил, что это очень остроумно».

Я молчу, а сам думаю: оказывается, не все он мне сообщил. Похоже, у них случались крупные ссоры, если дело доходило до таких мероприятий.

Я говорю: «Вряд ли он нарочно. Сами знаете, какая в столовой бывает сутолока».

Женщина говорит: «Она пришла вся в слезах».

Я говорю: «В масштабе жизни это мелочь. Не о чем говорить. Уверяю вас, она уже давно забыла про этот компот!..»

Мужчина говорит: «Ваш Володя считает, что ему все дозволено».

Я говорю: «Случай с компотом он от меня скрыл».

«Ах, вот как? — удивляется мужчина.— А про почтовую марку рассказал? Вы знаете, что он сотворил? Когда дочка спала после обеда, он наклеил ей на лоб четырехкопеечную марку, а потом, когда это увидала Анастасия Павловна и спросила, зачем он это сделал, ваш Володя заявил: «Я хотел еще адрес ей на лбу написать, чтоб ее домой принесли, если она вдруг заблудится». Что вы на это скажете?»

Я чувствую — или я с ума сошел, или ты «с приветом», такие откалываешь фокусы. Я говорю: «Не обращайте внимания. Когда люди друг дружку любят, они всегда играют. Они как бы возвращаются в детство...»

Женщина говорит: «А чего им возвращаться? Они пока что из него не вышли. Ваш Володя тоже на пятидневке? Он в садике пять дней в неделю, кроме субботы и воскресенья?»

Я спрашиваю: «В каком садике?»

«В детском садике, в каком же еще?»

Тогда я говорю: «Одну минуточку... Вы Смирновы?» «Смирновы. А вашего Володи фамилия Пальцев?». «Его,— говорю,— фамилия Кондаков. Владимир Алексеевич...»

Мужчина говорит: «Спокойно!»,— а женщина шепчет: «Саша, мне сейчас будет нехорошо».

Я говорю: «Виноват»,— а мужчина закрывает лицо руками и начинает раскачиваться, как журавлик над стаканом с водой, игрушка есть такая. «Товарищ посол,— говорит,— вы не туда пришли. Те Смирновы проживают по другому адресу». «Понимаю,— говорю,— похоже, что я малость ошибся. Пойду к тем Смирновым».

А мужчина смеется: «Скажите Владимиру Кондакову, что за компот и за лягушку он ответственности не несет».

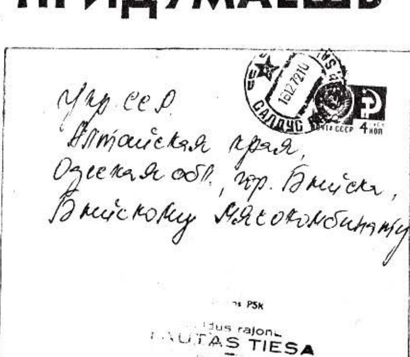
Тут уж и я тоже смеюсь: «А за почтовую марку?» «И за марку тоже».

Когда Веня все это рассказал мне, а затем и Тоне, у нас с ней довольно быстро наладились хорошие отношения.

Веня считает, что главная заслуга принадлежит ему.

«Лично я,— сказал он,— свою миссию выполнил. На то я и дипломат!»

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Несмотря на удивительный адрес, письмо, отправленное нарсудом Салдусского района, Латвийской ССР, все-таки пришло по назначению.

Г. Парантаев, г. Бийск.

ЖУРНАЛ

учета посещаемости занятий
и усвояемости личного состава

____
(производство, цех, отдел и формирования ГО)

Прислал А. Гетоков, г. Вольск.

Уважаемый товарищ

____

Приглашаем Вас и членов Вашей семьи явиться на флюорографическое заболевание.

Адрес и время явки ____________

Администрация больницы

Прислал А. Картунов, г. Тольятти.

Фото
А. Дежемесова,
Волгоградская
область.

Крокодил помог

«С ТЕХНИКОЙ ТВОРЯТ ЧУДЕСА»

В одноименном фельетоне Д. Епифанова, опубликованном в № 8 журнала, говорилось о бесхозяйственном отношении к технике в совхозе «Добринский», Хабаровского края. Как сообщил в редакцию председатель Комитета народного контроля Еврейской автономной области тов. П. Евтушенко, фельетон был обсужден на заседании бюро Ленинского райкома КПСС. За бесхозяйственное отношение к технике и отсутствие контроля над хранением оборудования директору совхоза тов. В. Донковцеву и главному инженеру тов. Д. Калюкину объявлены строгие выговоры.

Бюро РК КПСС обязало руководство совхоза принять меры для наведения порядка в хранении и использовании техники.

«В ГАРАЖАХ УРЧАТ МАШИНЫ...»

При строительстве кооперативных гаражей во дворе дома № 156 по улице Малюгиной в Ростове-на-Дону были повреждены насаждения и сровнена с землей детская площадка. Об этом говорилось в заметке «В гаражах урчат машины...» («Крокодил» № 5).

Как сообщает заместитель председателя Ростовского-на-Дону горисполкома тов. А. Черницов, заметка обсуждалась на заседании исполкома. Виновные наказаны. Директору Ростовского мясокомбината тов. Н. Климову и начальнику ЖКО тов. Г. Дейнеко строго указано. Двор дома № 156 по улице Малюгиной приведен в порядок. Детская площадка восстановлена.

«ПОБЕДИЛА ДРУЖБА...»

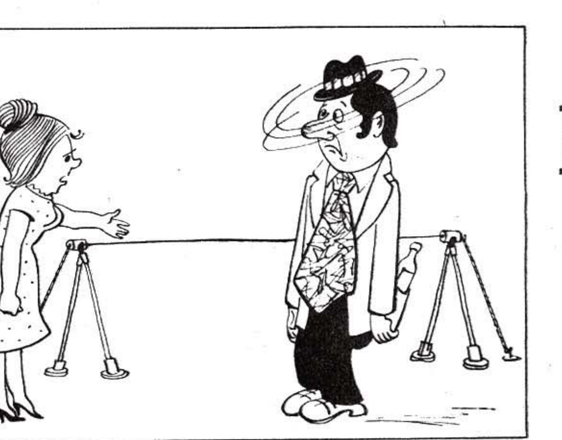
Под таким названием в № 12 «Крокодила» был опубликован фельетон В. Котенко о нарушении установленного порядка заготовок сельхозпродукции в совхозе «Дмитряшевский», Липецкой области.

Секретарь Липецкого обкома КПСС тов. А. Рачков ответил редакции, что фельетон обсуждался на заседании бюро Хлевенского райкома партии. Факты, указанные в фельетоне, имели место.

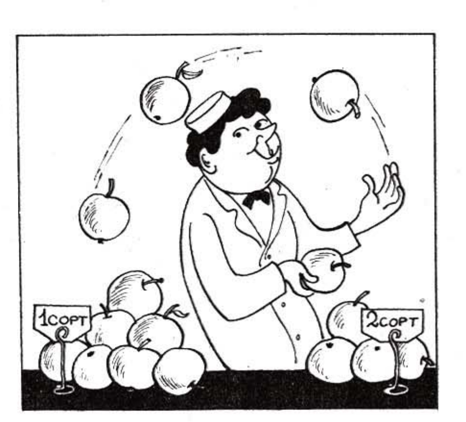
Обком партии согласился с решением Хлевенского райкома КПСС об объявлении директору совхоза тов. К. Макарову строгого выговора с занесением в учетную карточку.

В. СОЛОВЬЕВ

ЦИРКАЧИ

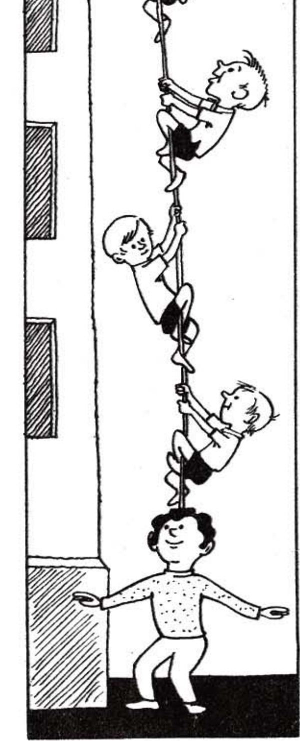
— А ну, пройди по проволоке!

Жонглер-манипулятор.

— Раньше он был иллюзионистом...

Когда не работает лифт.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

В парижском кинотеатре билетерша, усадив супружескую пару на место, спрашивает:
— Программку не желаете?
— Нет, спасибо.
— Шоколаду не хотите?
— Нет.
— Может быть, пакетик леденцов?
— Нет, нет, нет!
Билетерша отворачивается и ехидно роняет:
— А убийца в этом фильме — шофер.

●

В зоомагазине покупатель хочет приобрести говорящего попугая.
— К сожалению, все попугаи кончились. Могу предложить вам дятла.
— А разве дятел может говорить?
— Как вам сказать,— подумав, отвечает продавец.— Он отлично владеет азбукой Морзе.

●

В одиннадцатом часу в доме священника зазвонил телефон.
— Алло! Говорит сеньора Джосси. Пришлите, пожалуйста, шесть бутылок пива ко мне на улицу Гондурас, дом три.
— Простите...
— Это кафе «Золотой гусь»?
— Сеньора, я священник...
— Но, падре, что вы делаете так поздно в кафе?

●

Во время бракоразводного процесса клиентка обращается к своему адвокату:
— Я прошу вас, господин адвокат, использовать все аргументы, чтобы мне была присуждена легковая машина, а не дети...

●

В библиотеке:
— В этой книге я нашел десять крон. Не найдется ли у вас других произведений этого же автора?

●

Разгневанная супруга упрекает мужа:
— Ты всегда придумываешь какие-нибудь объяснения, когда являешься домой поздно ночью. Что ты выдумал сегодня?
— Ничего!
— И ты хочешь, чтоб я этому поверила?!

●

Пожилой богатый сеньор говорит молоденькой невесте:
— Дорогая, я должен вас заранее предупредить, что я не совсем здоровый человек: у меня гайморит с фронтитом, хронический гепатит, панкреатит, стенокардия...
— А чего же у вас нет, дорогой? — прерывает его невеста.
— Зубов...

●

— Это вы назвали меня идиотом?
— Именно!
— Это было сказано в шутку?
— Нет, абсолютно серьезно!
— Тогда вам повезло. А то я такого рода шуток не терплю!

●

Мужчина и женщина познакомились в ресторане.
— Я соломенная вдова,— сказала дама.
— Прелестно! Я ведь вегетарианец!

Алекси АНДРЕЕВ (Болгария)

Слова, слова...

Из всех симулянтов наиболее опасны те, кто симулирует мыслящую личность.

Одни певицы радуют ухо публики, другие — око.

Ничто так не разделяет соседей, как близость.

Берегитесь скрытых резервов глупости — они неисчерпаемы!

Некоторые люди как копировальная бумага — передают только чужие мысли.

Истинный гуманист тот, кто любит людей даже тогда, когда едет в автобусе.

Телевидение — воистину одно из величайших открытий. Если раньше атмосферные помехи были только слышны, то теперь мы можем их видеть.

Он отдал жизни свои лучшие годы.

Перевела В. СЕДЫХ.

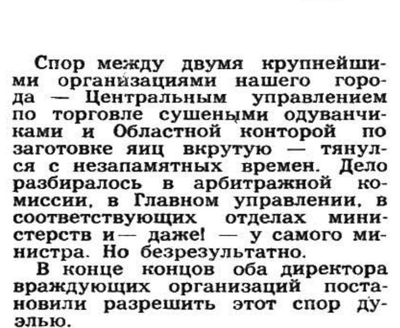
— И ты еще смеешь утверждать, что это не твой ребенок!

«Акрополис», Греция.

«Экспрессен», Швеция.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

«Штерн», ФРГ.

В ДОМЕ ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКА

— Прекрасно! Сегодня ты истратила почти сто тысяч лир!..

«Джорни», Италия.

Лешек МАРУТА (Польша)

ДУЭЛЬ

Спор между двумя крупнейшими организациями нашего города — Центральным управлением по торговле сушеными одуванчиками и Областной конторой по заготовке яиц вкрутую — тянулся с незапамятных времен. Дело разбиралось в арбитражной комиссии, в Главном управлении, в соответствующих отделах министерств и — даже! — у самого министра. Но безрезультатно.

В конце концов оба директора враждующих организаций постановили разрешить этот спор дуэлью.

Стороны незамедлительно назначили себе секундантов, которыми стали заместители директоров по торговым вопросам и оба главных бухгалтера. Последние быстро договорились между собой об условиях дуэли. В протоколе было записано, что поединок будет на пистолетах, со сближением; стреляться до полной неспособности одной из сторон продолжать бой.

Спустя два дня, ранним пасмурным утром, противники в сопровождении своих секундантов, а также многочисленных референтов, машинисток и курьеров отправились за город к поляне, носящей название «Собачья Горка», где и должен был состояться кровавый поединок.

Еще накануне вечером машины обеих организаций доставили на «Собачью Горку» стулья, столы, несгораемые шкафы и пишущие машинки, чтобы придать дуэли видимость нормального исполнения служебных обязанностей.

Так как секунданты — люди трудящиеся — были плохо знакомы с кодексом чести, они привели с собой референта Падальца, человека, поседевшего в поединках. Это он застрелил когда-то на пистолетной дуэли директора Сливу, это он проткнул шпагой начальника отдела кадров Малиновского, это он, наконец, зарубил саблей заведующего складом Пенту.

Падалец оком искушенного знатока осмотрел пистолеты, проверил их калибр и вес, заглянул в дула: хорошо ли прочищены?

Затем он отмерил расстояние и определил длину сближения, отметив барьеры прутиками.

Оба директора стали друг против друга с оружием в руках. Руководящий поединком референт Падалец громко скомандовал: «Готовьсь!» — и противники, взведя курки, двинулись вперед, старательно целя друг другу в грудь.

Но тут Падалец неожиданно закричал:

— Минуточку! Вы должны выдать друг другу доверенность на получение зарплаты. Ведь если кто-нибудь из вас погибнет, будет целая морока с деньгами.

Оба директора покорно отложили пистолеты, вытащили авторучки и быстро заполнили бланки. Секунданты заверили подлинность подписей.

Снова раздалось зловещее щелканье курков, снова поднялись дула пистолетов.

— Стой! — крикнул Падалец.— Подписана ли вся отчетность за первое полугодие?

Дуэлянты выругались, бросили оружие и подозвали своих секундантов. Молниеносно пробежали они глазами длинные столбцы отчетных цифр и подписали бумаги. Падалец поставил печать. Можно было продолжать поединок.

В третий раз соперники двинулись навстречу друг другу.

— Моментик! — заорал Падалец.— Остались неутвержденными планы летних отпусков. Попрошу вас!

Противники заскрежетали зубами, злобно швырнули пистолеты на землю и подбежали к своим перепуганным сотрудникам. Начались споры, слезы, просьбы, передвижения. Через час планы отпусков сотрудников на летние месяцы были утверждены. Дуэлянты вернулись на свои места.

Руки у них дрожали, дула пистолетов блуждали где-то между небом и землей. Раздалась команда: «Готовьсь!»

Бледные, с сумасшедшим выражением на начальственных физиономиях, противники деревянными шагами стали приближаться к палочкам, обозначающим границы барьера.

— Стоп! — раздался голос Падальца.— Мы совсем забыли о сводке снижения себестоимости...

Но ему не дано было кончить эту фразу. Оба директора с сатанинским смехом прицелились, прорычали что-то и выстрелили.

Референт Падалец скорчился, зашатался и упал, прошитый двумя пулями.

Перевел В. ГОЛОВСКОЙ.

КРОКОДИЛ

№ 18 (2100)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Битный, М. Вайсборд, Н. Лисогорский, В. Мохов, В. Мочалов, В. Соловьев, И. Сычев, Ю. Черепанов, И. Шиков.

НАШ АДРЕС: 101455 МОСКВА А-15 ГСП БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ: 250-10-86, 253-34-37

Главный редактор М. Г. СЕМЕНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 7/VI 1974 г. А 00812. Подписано к печати 18/VI 1974 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л.

Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. Правды, 24.

Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», гор. Свердловск, проспект Ленина, 49.

Тираж 5 600 000 (5 завод 4 407 200 — 5 600 000), заказ № 1290